

Оппозиция *богатые - бедные*: возвращение к советской модели?
(на материале районной уральской прессы)

Районные СМИ – это главный источник информации для людей, проживающих вдали от больших городов. Районные газеты имеют высокие рейтинги, пользуются большим спросом.

Наблюдая реализацию представлений о *богатых* и *бедных* в районных газетах, отмечаем калькирование образцов прессы федеральной. В то же время чем дальше от крупных центров находится город или село, тем меньше проявляется тенденция к калькированию. Появляются особые смысловые приращения, не встречающиеся в федеральных изданиях. Как справедливо отмечает Э. В. Чепкина, «местные издания представляют гораздо больше моделей, традиционных для советской журналистики, в них отчетливее звучит ностальгия по прошлому и громче – критика многих новых реалий» [Чепкина 2004: 287].

Нами рассматриваются публикации в районных газетах Свердловской, Тюменской и Пермской областей за период с 2000 по 2008 год. По наблюдениям Н. А. Купиной, «в небольших городах и поселках Урала, сохранивших градообразующие предприятия, а следовательно, и рабочих, от которых зависит сам факт существования завода, фабрики, выходят газеты, которые не изменили советские названия (*Верный путь, Красная Вишера, Чусовской рабочий, Шахтер, Соль земли, Рабочая жизнь, Искра, Искра Прикамья, Рассвет, Заря, Вперед* и др.) и стиль советской районной прессы» [Купина 2006: 85].

В центре внимания районной прессы – описание жизни местного населения, преимущественно *бедных* людей, реже *богатых*. Смысл «бедность» транслируется заголовками, включающими однокоренные образования:

*Работали много, жили **бедно*** (Новости 23.12.05, Горнозаводской район, Перм. обл.), *Как бы **бедность** победить?* (Новости 01.06.05), *Борьба с **бедностью** по-американски* (Шахтер 31.01.07).

Представления о *богатых* и *бедных* помещаются в темпоральную рамку *советское прошлое – наши дни*.

Советский период мыслится как время достойной жизни, материального равенства; в противопоставлении ему создается образ «нового времени», трудного, неустроенного. Например: ***Сегодня** жизнь стала внешне эстетичней. Красивы магазины, улицы. Но рубль затмил духовное богатство. Если **раньше** не было различия между прослойками населения, то теперь появились два класса - бедные и богатые. В общем-то между ними - пропасть. Трудно было **тогда** представить, что рублем можно людей разделять* (Чусовской металлург 30.01.03 № 6). Резко противопоставляется духовное богатство и богатство как обладание деньгами, имуществом.

Районная пресса отражает групповое представление о «качестве жизни», спроецированное на ближнюю ретроспекцию (советское время): *Вера Самойловна правильно считает, что все силы надо направлять на **повышение благосостояния** людей. Вспомнили мы с ней времена, когда нормальная семья с ежемесячным доходом в 200 рублей могла себе позволить жить **небедно**, приобретая **вещи длительного пользования**, не отказывая себе в **поездках** и т.д.* (Искра Прикамья 07.03.06). В подтексте формируется темпоральный контраст: очевидно, что ***раньше*** жили лучше. Те, у кого были деньги, *сытно ели, хорошо одевались, покупали вещи, ездили в отпуск*. В стереотип *небедной жизни*, к которой и ***теперь*** надо стремиться, включается набор самого необходимого: это такие объекты обладания, как *вещи длительного пользования, поездки, мясо, зарплата 5-6 тысяч*. Можно сказать, что в подобных высказываниях реализуется точка зрения жителя провинции на труднодостижимое стандартное качество *небедной жизни*. Приведем еще пример: *Я давно работаю с пенсионерами, мне есть с чем сравнивать. В последнее время у нас все чаще бывают, скажем, люди не в настроении.*

Приходят старички: раздраженные, дерганные, порой такая безнадега в глазах – смотреть больно. Понятно, что это от невеликих их пенсий. Раньше стандартный доход человека на заслуженном отдыхе исчислялся 132 рублями. Да на эти деньги можно было на море загорать и купаться ездить. А сейчас наши ветераны, которые при лучшем раскладе получают порядка трех тысяч, могут позволить себе разве не умереть от голода (Новости 23.03.07 № 31-32).

В стереотипных представлениях о богатых и бедных наблюдается отсутствие четкой границы между настоящим и советским прошлым: культурные традиции и ценности советского времени сохраняются. Например: *30-летний опыт работы показал, что не хлебом единым жив человек. С самого начала создание женсовета не было для нас формальной нагрузкой. Женщины приходили-уходили-уезжали из Гремячинска. Но оставалось «ядро» женсовета, которое хранило традиции, дружбу, искреннее отношение и неравнодушие ко всему, что происходило в городе и в поселках* (Шахтер 14.04.07 № 41 – 42). «Традиции советского времени продолжают жить и сейчас» - это утверждается как безусловная ценность. Реализуются стереотипные презумпции «бескорыстности труда», «приоритета коллективного благополучия над личным».

Рассмотрим еще один пример: *Павел Олегович Плишкин на крановом - больше 30 лет. Токарь-расточник и машинист поселковой котельной в одном лице. Плишкиных на заводе целая династия. Сейчас завод увеличил объемы производства, каждый день поступают заказы на продукцию, а рабочих рук не хватает. Вот и попросили Плишкина помочь в механическом, так как токарь он первоклассный, работу любой сложности выполнит на отлично. А в Плишкиных это крепко сидит: раз надо, значит надо, отдай все силы. Работает в цехе, но душа болит за котельную. <...> И пока есть такие Плишкины - живет поселок. Их сыновья ответственно, надежно, как отцы учили, выполняют свою работу, их внуки пополняют школьные классы, их жены ведут хозяйство и кормят выращенным еще и городскую родню. Павел*

Олегович каким-то особенным, отличным от других, себя не считает. Жизнь заставляет - приспосабливается, на диване лучших времен не ждет. За деталь, которую надо выточить на станке, за тепло, которое пойдет в медпункт и благоустроенную квартиру ветерана, за конфетку внуку - только себя в ответе считает. Для всего мира, говорят, загадка, как люди в России выживают: и на страну работают, и натуральное хозяйство для прокорма семьи веками не бросают. И при этом считают себя счастливыми... (Егоршинские вести 30.07.04 № 31, Свердл. обл.). На низкий уровень жизни субъекта имплицитно указывает глагол *выживать*, но в центре описания оказывается не столько бедность, сколько умение стойко ее преодолевать, сохранять традиции, духовные ценности, болеть душой за родной завод, район, страну. Индивид включается в разного рода общности и рассматривается прежде всего как член коллектива, не выделяющийся среди других (*каким-то особенным, отличным от других, себя не считает*). Реализуются презумпции «преемственности традиций», «заботы о коллективном благополучии». В подобных нарративах-жизнеописаниях разрабатывается образ «человека труда».

Трудная, бедная, но достойная жизнь героев оказывается в центре нарративов-жизнеописаний. Причем бедность сопровождает героев как в прошлом, так и в настоящем. Например: *Трудную и в то же время интересную жизнь прожил наш отец. Родился он в бедной семье. Закончив несколько классов школы, совсем юным вынужден был идти на работу в колхоз. Он рано потерял отца, мать воспитывала одна большую семью. Жили, можно сказать, в нищете, с малолетства дети познали тяжелый крестьянский труд, в том числе и папа* (Верный путь 12.09.03. с. Орда). Подчеркивается умение стойко преодолевать трудности, в том числе бедность, и сохранение высоких нравственных ценностей. «Противостояние бедности выступает как моральная ценность, присущая “своим”» [Чепкина 2004: 296]. Каноническими «житийными» историями уже многие годы заполнена районная пресса. Они выполняют своеобразную терапевтическую функцию: убеждают человека в

правильности выбранного пути, выделяют параметры, объединяющие людей, утверждают ценность традиционных культурных практик.

Единый принцип предпочтения ценностных ориентиров выступает как основа существования «своего круга». В системе ценностей существуют безусловные, как, например, «трудолюбие» и «милосердие». Слово *милосердие* часто включается в тексты, значение «готовый помочь кому-нибудь... из сострадания, человеколюбия» [Ожегов, Шведова 2003] сопровождает стереотипные представления о *бедных*, где *бедный* оказывается как субъектом, проявляющим милосердие, так и субъектом, получающим помощь. Например: *Получая весьма скудную пенсию, Маргарита Алексеевна ежемесячно высылала в одну из нижегородских обителей постоянную сумму для поддержания детей-сирот* (Осинское Прикамье 17.03.07 № 29). *Спешу сообщить всем милосердным своим землякам: администрация МУ «Осинское городское поселение» объявила акцию по сбору одежды для детей и подростков из малоимущих семей. <...> Сделайте подарок своей душе! Сказано: «Да не оскудеет рука дающего!». Верю, что не оскудели и сердца осинцев, что присущее россиянам милосердие не растеряли мы в погоне за новым образом жизни»* (Осинское Прикамье 18.01.07 № 6). Милосердие трактуется как безусловная духовная ценность, «духовное богатство» (*подарок душе, не оскудели сердца*), свойственное «своим». В «свой круг» милосердные люди включаются по географическому основанию (*земляки, осинцы*), по гражданской принадлежности (*россияне*). В подтексте оказывается противопоставление «милосердных своих» «немилосердным чужим» и по признаку материальной обеспеченности, на что указывает сочетание *погони за новым образом жизни*, тяготеющее к формульности и обозначающее современные потребительские практики, приоритет материальных ценностей над духовными.

Разрабатываются стандартные фрагменты «культурных сценариев», репрезентирующих этические предписания и культурные установки [Вепрева, Купина 2007: 85 – 87]. Например, реализуются сценарные ходы «пьянство – путь к бедности», «праздность – путь к бедности», сохранившиеся в районной

прессе с советского времени: *Кто не работает, тот не ест. В СПК «Спасбардинский» решили искоренить пьянство и прогулы на производстве... голодом.* <...> *Сторожа-пожарника за нахождение на рабочем месте в пьяном виде утром 19 июня лишили выдачи хлеба до 19 июля* (Сылвенские зори 15.08.03 №33). В данном случае реализуются прецедентные тексты советского времени. Фиксация подобных стандартных сценарных ходов выполняет функцию предупреждения о потенциальной опасности и назидательную функцию; имплицитно утверждаются групповые культурно-ценностные установки.

Наблюдаем трансформацию оппозиции *богатые – бедные*: *богатая власть – бедный народ разграбленной страны*. Например: *Уходят из жизни ветераны, и рушится все то, что они построили.... Они верили, что оставят детям и внукам сильное и богатое государство, но история уготовила жестокий удар.* <...> *чиновники враспыл пустили промышленность, сельское хозяйство, культуру, все советское отброшено, все доброе поставлено с ног на голову. Власть имущие за последние десять лет занимались только растаскиванием государственного имущества и сколачиванием личных состояний. О ветеранах, которые все это создавали, новые «хозяева» стали забывать* (Новая жизнь 24.05.03, Суксунский район Перм. обл.). Деструктивные последствия обогащения представителей власти (*враспыл пустили промышленность, сельское хозяйство, культуру, все советское отброшено, все доброе поставлено с ног на голову; растаскивание государственного имущества*) усиливают негативные характеристики богатых. Оппозиция *бедный народ – богатые чиновники* конкретизируется и обрастает темпоральными признаками: *ветераны советского времени, строители богатой страны – расхитители народных богатств, новые хозяева.*

«Милосердие» и «благотворительность» как сопроводители субъекта-носителя признака *богатый* – позволяют связать в обыденном сознании богатство материальное с богатством духовным: *Через организацию вечеров и*

*приемов клуб (клуб деловых женщин) решает первоочередную задачу – **благотворительность**. В словаре слово «благотворительность» обозначает совершенствование **добродетели**. Это оказание безвозмездной **материальной помощи бедным** и нуждающимся людям, организациям. Благотворительные балы и вечера открывают новые возможности для **меценатства**. Подобная деятельность связывается с **духовностью** человека, такими личностными качествами человека, как **терпимость, способность помочь, поддержать** (Осинское Прикамье 03.03.07).*

Точечно в районной прессе появляются рефлексивные суждения об отживших стереотипных представлениях о *богатых и бедных* советского времени. Такое мировоззренческое разнообразие – свидетельство расшатывания константных стереотипных представлений. Например: *С поколением этих людей **сложно разговаривать**. И хотя жили бедно, питались скудно, для них **уравниловка социализма по-прежнему сияет путеводной звездой**. Павел Андреевич при первом разговоре много горькой правды наговорил мне на диктофон, а когда я принес, по доброму правилу журналистики, готовую рукопись статьи на согласование, с испуга, что ли, все повычеркивал, испестрил **призывными вставками сталинской эпохи**, близкой и понятной им – **вечным труженикам** матушки России. Осуждать их за это? Да, нет. За что осуждать...* (Магнитогорский рабочий 17.01.02). Использование штампов-советизмов в речи журналиста – это не механическое воспроизведение стереотипов советского времени, а намеренное введение их в собственный текст в форме несобственно-прямой речи. Неприятие стереотипных культурных практик советского времени проявляется в замене слова *равенство* на разговорное *уравниловка*. В целом, стереотипные представления и формульные высказывания советского времени подвергаются рефлексии, но пока не отчуждаются.

В районной прессе формируется образ «бедного честного труженика», который, как и все *бедные* люди, входящие в «свой круг», сохраняет оптимизм и нравственные ориентиры вопреки тяжелым условиям жизни. По отношению к

богатым («другим»/ «чужим») наблюдается размытая оценочность. С одной стороны, *богатые* («чужие») мыслятся как виновники бедности и оцениваются резко отрицательно. С другой, – такие качества *богатых*, как активность, трудолюбие, щедрость фиксируются как положительные, принимаются, анализируются. Возникает механизм толерантного отношения к «другим», но не «чужим» богатым. Это во многом связано со сменой системы ценностей в постсоветском культурном пространстве: на фоне стереотипных социальных оценок советских времен появляются новые, основанные на рыночной системе ценностей. Районная пресса отражает взаимодействие двух типов общественного сознания (советского и постсоветского), двух систем стереотипов. Наряду с резким противопоставлением *богатых* и *бедных* наблюдаем сглаживание погруженных в реальный социокультурный контекст оппозиций, в которых зафиксирована стадийность *богатства* и *бедности*. Наличие разных мировоззренческих позиций говорит о динамике социальной оценки *богатых* и *бедных* жителями провинции, о сдвигах в общественном сознании.

Список литературы:

Вепрева И. Т., Купина Н. А. Новое слово в социально-психологическом контексте современности // Язык в движении: к 70-летию Л.П. Крысина / Отв. ред. Е. А. Земская, М. Л. Каленчук. – М., 2007. С. 83 – 98;

Купина Н. А. Тоталитарные идеологемы и мифологемы на страницах районных газет Урала // Речевое общение: Вестник Российской Риторической ассоциации / отв. ред. А. П. Сковородников – Красноярск, 2006 . Вып. 8 – 9 (16 – 17). С. 81 – 89.

Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. – М., 2003;

Чепкина Э. В. Дискурсивные практики формирования оппозиции «свой-чужой» в районной прессе (на материале газет Пермской области) // Культурные практики толерантности в речевой коммуникации: Коллективная

моногр. / Отв. ред. Н. А. Купина и О. А. Михайлова – Екатеринбург, 2004. С. 287 – 302.

Сведения об авторе: Ильина Ольга Владимировна, аспирант кафедры риторики и стилистики русского языка филологического факультета, ассистент кафедры русского языка и стилистики факультета журналистики Уральского государственного университета им. А. М. Горького, illio@rambler.ru